

УДК 37 (091)

МЕКТЕБ ИЛИ ШКОЛА: ПРОШЕНИЯ МУСУЛЬМАН ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА ПО ВОПРОСАМ ОБРАЗОВАНИЯ ЗА 1870–1890-е ГОДЫ

М.Н. Фархитов, кандидат исторических наук

I. Усиление «сверху» интеграционных процессов башкир и татар в состав Российской империи в пореформенный период

Поволжские, а затем приуральские тюркские народы были первыми мусульманскими подданными Русского государства. Казанские татары были покорены Москвой силой оружия еще в середине XVI в. Приуральские же башкиры частично признали царскую власть добровольно еще тогда или были насильственно «присоединены» позже. Но интеграция этих народов в общественно-экономическую жизнь страны затянулась на века. В период «больших» реформ второй половины XIX в. власти предприняли ряд довольно радикальных мер, призванных ускорить «сближение», а по возможности и «слияние» российских мусульман с «господствующим» русским народом для более полного включения их в сферу «государственных интересов».

Были проведены коренные административные реформы, непосредственно коснувшиеся как татар, так и (особенно) башкир. В Уфимско-Оренбургском крае, например, в их числе были отмена кантонной системы управления (1863–1865 гг.), учреждение самостоятельных Уфимской губернии (1865 г.) и Оренбургского учебного округа (1874 г.), изменение системы комплектования членов Оренбургского духовного собрания (1889 г.) и т.д. Началось изъятие «земельных излишков»

у башкир. Это в свою очередь активизировало переселение на Южный Урал велико- и малороссов из центральных губерний. Появились первые железные дороги (1887–1888 гг.), пароходное сообщение (1891 г.). В пореформенный период произошло становление правительственной системы школьного образования, охватившей и часть детей башкир и татар и призванной со временем вытеснить их традиционные конфессиональные школы (*мектебы* и *медресе*)¹, которых к началу 1860-х гг. в 13 губерниях Волго-Уральского региона² насчитывалось более одной тысячи.

В результате глубина «включенности» мусульманского населения Волго-Уральского региона в социально-экономическое пространство царской империи неизмеримо выросла³. Башкиры и татары начали активно и даже охотно приобщаться и к некоторым плодам европейской цивилизации: почте, банкам, телеграфу, паровому транспорту и сельскохозяйственным машинам, страховому делу, театру, «городской» мебели, утвари и одежде и т.п. Но, с другой стороны, мусульманское население края видело в усилении вмешательства «русского» правительства в его жизнь угрозу своей национальной самобытности. Действия властей оно квалифицировало как отход от «привычных», имперских принципов управления, более или менее учитывающих местную специфику, и желало оставить все «по-прежнему», противопоставляя неуклонному наступлению ново-

го, светского религиозное мышление и практику, отрицающих с порога все «чужое». Татары и башкиры выступали тогда совместно как единая *умма* — сообщество единоверцев-мусульман, их «племенные» особенности в политическом дискурсе почти не проявлялись.

II. «Административные», интеллектуальные и информационные ресурсы пореформенных российских мусульман для самовыражения

В 1860—1890-е гг. возможностей и средств для выражения чувств морально-социального дискомфорта и вступления в контакт с правительством для обсуждения и конструктивного решения злободневных вопросов, как и в целом участия в идейно-политической жизни страны, у российских мусульман (как, впрочем, и у многих народов, включая русских) было немного. Башкиры и татары были, нередко в силу установленных законом квот, весьма незначительно представлены в органах городского и земского самоуправления, административном аппарате управления, прокуратуре, суде или армии⁴. Некоторое исключение составляло лишь Оренбургское магометанское духовное собрание как среднее правительственное присутственное место по управлению делами мусульман: его председатель (*муфтий*) и три члена (*кадии*) были из местных башкир или татар⁵.

Очень тонок был слой светской национальной интеллигенции: учителей, чиновников или офицеров. Представителей же «свободных» профессий (писатели, журналисты, адвокаты и др.) практически не было. В этих условиях их место занимали *муллы* («мусульманское духовенство»), которые выступали не только как духовные руководители *махаллы* (мусульманский «приход»), но и заведующими (*мударрисы*) школами при *мечетях*, а также (по закону и фактически) низшими государственными служащими (вели метрические книги) и судьями (на основании *шариата* ре-

гулировали мелкие семейно-бытовые вопросы)⁶.

Фактически отсутствовала периодическая печать [издаваемая с 1883 г. в Бахчисарае Исмаилом Гаспринским (1851—1914) газета *Тарджиман* (Переводчик)⁷ только-только начала проникать в татарские и башкирские *аулы*, большинство жителей которых по неграмотности не могли ее читать и тем более стать ее корреспондентами]. А слабое распространение знания русского языка делало недоступным для местного населения русскоязычную прессу, находящуюся тогда в провинции в стадии становления. Отечественное светское книжное дело на восточных языках делало только первые шаги и к тому же находилось под жестким контролем цензуры⁸. Его продукция в силу различия алфавита и языкового барьера абсолютно не доходила до русского читателя.

III. Прошения как канал коммуникации «низов» с властями и политическое действие

При отсутствии многих необходимых условий и средств для выражения и отстаивания национальных интересов на общественно-политическом уровне башкиры и татары достаточно часто прибегали к практике подачи прошений. И раньше для установления письменного контакта с властями мусульмане края брались за перо. Так, из XVIII в. нам известны такие яркие образцы их письменного творчества, как написанное из тюрьмы в ноябре 1756 г. программное письмо мишарского *муллы* Батырши Алиева (Габдулла Галиев, 1709 или 1717—1762), идейного руководителя башкирского восстания 1755—1756 гг., на имя императрицы Елизаветы Петровны или указы мусульманским депутатам Екатерининской Уложенной комиссии 1767—1768 гг.

Но в пореформенный период письменные обращения в органы власти принимают массовый характер. Известно несколько их крупных волн. В се-

редине 1860-х гг. массовую «петиционную» акцию провели крещенные татары, отпадавшие целыми селениями в «веру праотцов», что потрясло своей организованностью и упорством просителей воображение не только местных и столичных чиновников, но и всей тогдашней «общественности». Спустя более чем десятилетие новый поток прошений мусульман края вызвал слух о предстоящем крещении, основанный на небрежно составленной 27 января 1878 г. Казанским губернским по крестьянским делам присутствием инструкции сельским обществам.

В самом конце позапрошлого столетия волну письменных ходатайств во властные структуры вызвали организация и проведение Первой Всероссийской переписи населения (1897 г.), которая наглядно показала всю напряженность государственно-исламских отношений и громадный внутренний потенциал мулл-традиционалистов в местном мусульманском обществе для настраивания своих единоверцев против безобидных, даже вполне разумных мероприятий правительства. В полном смысле слова «петиционная кампания» охватила мусульман региона в период Первой русской революции, когда самодержавная власть проявила свою слабость и вынуждена была расширить политические права своих подданных.

Указанные выше акции письменного «соприкосновения» местных мусульман с властями послужили для них мощным мобилизационным фактором, вовлекли многих из них лично в «большую» (с точки зрения тогдашнего жителя башкирского или татарского *аула*) политику. События 1865–1867⁹, 1878–1879¹⁰, 1897¹¹ или 1904–1905¹² гг., как и письмо Батырши¹³ или наказы башкир и татар в Уложенную комиссию¹⁴, уже находили более или менее полное отражение в специальной литературе. Менее известны массовые прошения пореформенных российских мусульман по школьным вопросам, которые также являлись неизменной частью политической коммуникации татар и башкир с

властями на фоне все обостряющегося в стране так называемого «мусульманского вопроса». Поэтому ниже будут отражены некоторые малоизвестные страницы истории «школьных» прошений тюрко-мусульманского населения Волго-Уральского региона (преимущественно на материалах Казанской, Оренбургской, Вятской и Уфимской губерний) за 1870–1890-е гг.

IV. «Школьные» прошения: поводы для подачи, «организационные моменты», авторы/составители и переводчики

За рассматриваемый период пики подачи «школьных» прошений мусульманами Волго-Уральского региона пришлись на 1870–1875 и 1888–1894 гг., когда последовали законы или министерские инструкции, непосредственно коснувшиеся традиционных народно-религиозных башкир и татар. Это, прежде всего, «Правила об образовании населяющих Россию инородцев» от 20 марта 1870 г., которые обязывали создавать при всех мечетских школах за счет самого населения «русские классы» и запрещали впредь открытие новых *мектебов* и *медресе* без преподавания русского языка, а также устанавливали порядок учреждении особых русскоязычных русско-башкирских и русско-татарских школ¹⁵. Через четыре года они были дополнены законом о подчинении всех «инородческих», в том числе и мусульманских, школ Министерству народного просвещения¹⁶ (раньше *мектебы* и *медресе* формально находились в ведении Министерства внутренних дел).

В 1882 г. последовал новый закон, предписывающий учебному начальству приступить к «фактическому контролю» за *мектебами* и *медресе*¹⁷. В конце этого десятилетия был установлен образовательный ценз для *мулл* (= заведующих мечетскими школами). Он предписывал, чтобы с 1891 г. все кандидаты на духовные должности сдавали специальные экзамены на знание

русского языка¹⁸. 30 июня 1891 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов уведомил попечителей учебных округов о том, что новые коранические школы могут открываться только с разрешения губернских директоров народных училищ¹⁹. Спустя всего год, точнее 10 июля 1892 г., он же разослал циркуляр об изъятии из мусульманских школ рукописных и заграничного издания учебников и учебных пособий и запрещении допускать к преподаванию лиц, получивших образование за рубежом или не являющихся российскими подданными²⁰.

Разумеется, разрозненные школьные ходатайства от башкир и татар поступали и в другие годы, но затрагивали они преимущественно частные вопросы (действия того или иного местного чиновника, односельчанина или коллеги-*муллы* и т. п.). Массовые же прошения интересны тем, что поводом для их составления и подачи служили законы или распоряжения высших правительственных учреждений, которые нельзя было оспорить лишь как обычные «злоупотребления». Поэтому они содержали ряд специфических аргументов и утверждений, которые при внимательном чтении могут «рассказать» о многом из жизни российских мусульман и их взаимоотношении с «верхами».

Российские законы довольно детально и четко определяли порядок составления и подачи прошений. Например, они должны были быть написаны на русском языке, причем понятно и без употребления оскорбительных выражений, а также на хорошей бумаге. Нарушение этих требований заранее обрекало просителей на неудачу или даже оборачивалось для них наказанием, вплоть до крупного денежного штрафа, ссылки и тюремного заключения²¹. Мусульманское население империи должно было также соблюдать этот порядок.

Единственным, пожалуй, исключением для башкир и татар являлось разрешение письменно обращаться в Оренбургское магометанское духовное

собрание на татарском языке. Как показывают архивные материалы, мусульмане края этим правом действительно широко пользовались. Тем не менее в штате Духовного собрания имелись должности переводчиков, которые и переводили перед обсуждением на заседании присутственного места то или иное ходатайство с мест на русский язык. Очень редко прошения, поступавшие на имя *муфтия*, составлялись параллельно на татарском и русском языках. Их тексты практически были идентичными.

Закон требовал, чтобы любое прошение содержало персональные сведения о ходатайствующем лице: фамилию, имя, отчество, сословную принадлежность, служебное или профессиональное звание, место жительства и т.п.²². Поэтому формальный автор письменных обращений всегда известен. Юридически крестьяне как «низшее» сословие не имели права лично обращаться в государственные органы. Их интересы должно было представлять сельское общество, которое, обсудив актуальный вопрос, избирало своего доверенного лица. Затем на сельском или волостном сходе выносило и оформлялось письменно соответствующее решение (= приговор) с подписями присутствующих, служившее одновременно и доверенностью. Избранные «уполномоченные» и подавали от имени своих «доверителей» ходатайство за своей подписью, прилагая и сами приговоры²³. Но это еще совсем не означало, что именно они были и составителями текстов самих обращений «во власть».

Но и истинных авторов нетрудно установить, хотя и не всегда с точными фамилиями и именами. Как показывают содержание и стиль изложения башкирских и татарских «школьных» ходатайств (естественно, иногда и персональные данные просителей, приписанные в конце документов) второй половины XIX в., они создавались преимущественно духовными лицами. Это и неудивительно, ведь именно мечетские служители составляли тогда основ-

ное ядро интеллектуальных сил местного мусульманского общества.

Очень часто *муллы* брались за перо сами, исходя из «общественных» интересов и не боясь возможных последствий — ведь они были фактически на государственной службе (правда, без никакого жалования), то есть были «указными», официально утвержденными мечетскими функционерами. Иногда же их движущим мотивом были узкокорпоративные интересы (как, например, было во время протеста против образовательного ценза). Бывало и так, что *муллы*, как выборные лица, поддавались давлению *махаллы*, от которой они немало зависели в материальном отношении. Лишь немногие *имамы* находили смелость открыто отказаться от посреднической роли.

Во второй половине XIX в. в общественной жизни татар и башкир заметную роль стало играть купечество, которое также не осталось в стороне от «петиционного» движения по школьным вопросам. К этому времени оно сосредоточило в своих руках, особенно через меновую торговлю в Средней Азии и Казахстане, значительные капиталы и было в целом настроено проимперски, занимая довольно выгодную нишу на всероссийском рынке. Но после завоевания Россией Туркестана и соединения его железной дорогой с Центром башкирские и татарские купцы как единовольцы казахов или сартов потеряли свои привилегии в посреднической торговле, встретив сильных конкурентов в лице более образованных русских собратьев, пользовавшихся к тому же покровительством правительства. При поиске путей сохранения былых социально-экономических позиций среди них произошел раскол. Одни стали ратовать за европеизацию всех сфер общественной жизни российских мусульман, другие, наоборот, видели выход в консервации прежних порядков.

Идейно-политическое разделение среди мусульманских купцов не всегда было четким, но оно в какой-то мере нашло отражение и в немногих со-

хранившихся документах, в которых речь идет о прошениях мусульманских купцов. Так, в самом начале 1879 г. казанские купцы Юнусов, Апанаев, Азимов, Галеев, Утямышев стали просить у местного губернатора разрешения послать «депутацию» к министру внутренних дел Л.С. Макарову, чтобы передать ему лично требования местных мусульман. В числе поднимаемых ими вопросов, конечно же, был и вопрос о национальных школах: «Освободить *медрессе, мударрисов, имамов* и вообще всех духовных лиц магометанской веры от ведения Министерства народного просвещения и чтобы не считалось обязательным знание русского языка для вышеозначенных духовных лиц»²⁴. Содержание требований этих купцов ничем не отличалось от выдвигаемых требований, скажем, приходских *мулл* — то же отстаивание «своего» от посягательств «чужого». Время купцов-модернистов братьев Хусаиновых, Рамеевых, Акчуриных или Яушевых наступит чуть позже, в 1880–1890-е гг.

В написании «школьных» прошений участвовали и другие привилегированные или образованные элементы мусульманских обществ: башкирские дворяне и *тарханы*, а также татарские *мурзы* (преимущественно обедневшие, так называемые мурзы в лаптях), почетные граждане²⁵ и немногочисленное чиновничество²⁶. Прошений по школьным вопросам, написанных ими, сохранилось немного. Тем не менее определенно можно сказать, что такие лица, как немногие знатоки русского языка среди башкир и татар, приняли активное участие при переводе прошений на «государственный» язык. Об этом свидетельствует, например, «татаро-башкирский акцент» текстов многих ходатайств.

Есть сведения, что некоторые этим занимались «профессионально». Так, в ходе петиционного движения 1892–1893 гг. в Оренбургском уезде выделился житель д. Имангуловой одноименной волости Газиз Туганов, бывший волостной писарь. Он, по словам волостного

старшины Кутлубаева, «должно быть по врожденной склонности» занимался «писанием всевозможных прошений, до нельзя кляузного характера, на что..., к чести его сказать, замечательно способен»²⁷. Далее в рапорте старшины от 21 марта 1893 г. на имя Оренбургского губернского прокурора красочно описываются «преступные действия» Г. Туганова: «Как человек неглупый» он-де еще до официального объявления «закона об изъятии книг» «проведал» о нем и «сейчас же смекнул, что из этого закона он может извлечь для себя изрядную выгоду, извратив сущность закона», «начал распространять слухи, что скоро изымут книги из школ и уничтожат ислам и будут крестить». В результате окружные мусульмане «как народ легковверный» «заволновались» и начали составлять прошения и приговоры, которые и «строчил указанный Туганов, от чего ему еженедельно перепадает пять-семь рублей»²⁸. Что приключилось далее с «подпольным адвокатом» Г. Тугановым неизвестно, но случай более чем примечательный²⁹.

Можно уверенно сказать, что другими переводчиками башкирских и татарских прошений выступали русские интеллигенты. Основанием для данного утверждения служат также тексты самих прошений, изложенные на хорошем чиновничьем, а иногда и литературном языке с указанием соответствующих статей законов и т. п. аргументов³⁰.

Документов, проливающих свет на «организационные моменты» составления и подачи прошений, сохранилось немного. Тем не менее мы можем узнать, например, об источниках информации башкирского и татарского населения о принятых законах, касающихся их школьного образования, или предполагаемых действиях администрации, которые давали непосредственный повод к подаче прошений. Это чиновничьи инструкции, доводимые до сведения населения через низшие, как правило, полицейские чины в их пересказе, что служило нередко причиной отказа мусульман верить в правоту ус-

лышанного и требования ими «самого» письменного документа, в чем, кстати, им, как правило, отказывали³¹. Иногда сведения получались из печати как столичной (*Новое время, Русский мир, Правительственный вестник, Московские ведомости, Биржевые ведомости, Церковные ведомости*), так и местной (*Самарские епархиальные ведомости, Тарджиман*)³². Очень часто башкирские и татарские аулы приводили в состояние «брожения умов» слухи, которые по скорости распространения намного опережали, по крайней мере, тогдашнее почтовое сообщение.

В отличие от петиционного движения середины 1860-х гг.³³ непосредственных сведений о том, как производились сборы средств на уплату расходов, связанных с подачей прошений, или кто их брал на себя, у нас пока нет³⁴. Кстати, по тем временам эти расходы были немалыми. Так, только за каждую страницу письменного ходатайства нужно было платить так называемый гербовый сбор в размере 80 копеек плюс вознаграждение труда составителей прошений, составляющее в сельской местности от пяти до десяти, а в городах около одного рубля³⁵.

V. Адресаты прошений, стратегия и тактика их подачи

Как уже отмечалось, существовал установленный законом порядок подачи любых прошений. В нем были перечислены и государственные органы, которые имели право рассматривать те или иные письменные обращения населения. На местах по религиозно-культурным вопросам мусульман ответственными были канцелярии губернаторов и попечителей учебных округов, губернские правления и дирекции народных училищ и Оренбургское духовное собрание. А в столице эту сферу курировали Министерства народных училищ и внутренних дел с его Департаментами духовных дел иностранных исповеданий и полиции, а также «Канцелярия е. и. в. по принятию прошений, на вы-

сочайше имя приносимых». В случае, когда просители не соглашались с решениями вышеуказанных инстанций, они могли их оспорить в Правительствующем Сенате. В соответствии с этим действовало и мусульманское население края при определении адресатов своих посланий по школьным делам.

Сплошной просмотр архивных материалов на местах (в Уфе и Оренбурге) показал относительно неплохую сохранность прошений башкир и татар. Немалое число их отложилось в фондах Оренбургского губернского правления и Оренбургского губернского жандармского управления (ГАОО. Ф. 11 и 21), а также Оренбургского магометанского духовного собрания (ЦГИА РБ. Ф. И-295]. Судя по литературе³⁶, соответствующие ходатайства имеются и в канцелярии Казанского губернатора и попечителя Казанского учебного округа [Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1 и 42].

По прежним нашим разысканиям известно, что в Санкт-Петербургском Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фондах Министерства народного просвещения (Ф. 733) и Департамента духовных дел иностранных исповеданий (Ф. 821) сохранилось также немалое количество прошений мусульман по школьным вопросам. Письменные ходатайства башкир и татар должны быть и в фондах Министерства внутренних дел (Ф. 1281, 1282, 1284, 1286 и т. д.) и «Канцелярии е. и. в. по принятию прошений, на высочайше имя приносимых» (Ф. 1412). Но в связи с затянувшимся переездом РГИА в другое помещение произвести нам новые поиски не удалось.

Тем не менее имеющийся материал позволяет сделать некоторые предварительные наблюдения по тактике подачи прошений. Например, об их массовости, территориальном охвате (откуда поступали), а также настойчивости просителей, то есть насколько упорным был тот или иной «уполномоченный» башкир и татар в достижении поставленной цели, обращался ли он повторно или писал

новое ходатайство уже в вышестоящую инстанцию и т. д.

В этом плане, прежде всего, бросается в глаза, что прошения по тому или иному «казусному», по определению мусульман, школьному закону шли в массовом порядке (сотнями, а иногда и тысячами³⁷), наверняка, в том числе в надежде, что количество перерастет обязательно в качество. К тому же ходатайства шли практически отовсюду, даже из самых захолустных башкирских деревень Оренбуржья и Зауралья. Как добивались такая массовость и территориальный охват, в деталях неизвестно. Но наличие нескольких образцовых текстов («матриц») соответствующих прошений дает основание полагать, что в «петиционных кампаниях» был немалый организационный момент. Трудно сказать, как выглядел «штаб» по составлению прошений. Но, несомненно, интеллектуальные верхи башкирского и татарского общества по мере возможности пытались координировать петиционное движение и оказать властям помощь именно с огромным потоком прошений.

Второй момент, который нетрудно заметить, это подача прошений во всевозможные инстанции, которые по закону были доступны мусульманским подданным. В этом прослеживается также определенная тактика — «поднять на ноги» всех, чтобы в конечном счете «достучаться до трона». Вместе с тем заметно и то, что очень часто татары и башкиры искали защиты и партнера для диалога прежде всего в лице Оренбургского магометанского духовного собрания. Нет никакого сомнения в том, что они исходили при этом из убеждения, что Оренбургский *муфтий* является духовной главой мусульман округа и *априори* призван отстаивать их интересы. С другой стороны, как уже отмечалось, Духовное собрание было единственным, по крайней мере, по своему персональному составу, официальным учреждением империи по делам ее мусульманских подданных. Поэтому у башкир и татар закрепился за ним оре-

ол «своего» учреждения, где они непременно найдут понимание и поддержку. Однако такое представление очень часто оказывалось ошибочным.

Одним из тактических приемов при подаче прошений был учет настроения и ожиданий своих адресатов. Например, практически во всех без исключения прошениях башкир и татар можно найти выражения и целые предложения, подчеркивающие их преданность «обожаемому Монарху», любовь к «могущей России», которой они оказали немалые услуги, неизменно останутся верными данной своей присяге и всегда готовы «приносить себя в жертву родине для защиты Престола и отечества»³⁸.

«Исповедуя же веру магометанскую, мы по долгу присяги: по праздникам, пятницам и послепятивременных молебствий приносим теплые молитвы Всевышнему Аллаху о долгоденствии и благополучном царствовании ныне благополучно царствующего нашего государя Императора Александра Александровича с его Августейшим домом», — читаем мы, например, в приговоре башкир-вотчинников д. Кинзебулатовой Стерлитамакского уезда Уфимской губернии от 25 февраля 1889 г.³⁹ В тексте «доверенности», выданной 15 марта 1893 г. сходом жителей деревень Кузобаковой, Мурзабаевой и Ик Назыровой Бурзян-Кипчакской волости Оренбургского уезда Гаибзяну Юлдашеву, чтобы он ходатайствовал об оставлении в мечетских школах рукописных книг, содержались такие строки: «Государю Императору нашему Александру Александровичу по долгу нашей присяги мы должны служить не жалея последней капли крови ...»⁴⁰.

Немало пышных, даже с некоторым восточным оттенком слов произносится и в адрес царей («великий государь, наш император, держатель всякого величия, который [есть] источник всех милостей») и правительства («милостивых, сострадательных, пронизательных и мудрых правителей») ⁴¹. Применение таких высокопарных эпитетов и соб-

людение таких «правил игр» при обращении «низов во власть» наблюдается практически везде у всех народов и во все времена⁴².

По своей внешней форме «школьные» прошения 1870-х гг. во многом напоминали обычные творения чиновничьей канцелярии. Многие ходатайства, поступившие, например, в Духовное собрание, не только назывались «рапортом», но и по стилю изложения были настоящим донесением нижестоящего чиновника (такowymi мечетские служащие — авторы большинства обращений частично были на самом деле) вышестоящему на одной или максимум двух страницах. Перемены наступают на рубеже 1888—1890-х гг., когда от тех же *мулл* в *муфтият* стали поступать более «живые» ходатайства, настоящие объемные (иногда до восьми и 14 страниц текста⁴³) трактаты. За неимением достаточного материала пока трудно что-либо определенное сказать о языковых различиях в прошениях в зависимости от адресата или упорности в достижении своих целей тех или иных мусульманских обществ. В этом направлении нужно еще провести дальнейшие архивные изыскания.

Наверное, не погрешим против истины, если скажем, что петиционные кампании мусульман оставались за редким исключением неизвестными широкой российской общественности. Сплошной просмотр некоторых влиятельных и осведомленных столичных (*Голос*, *Правительственный вестник*, *Новое время* и *Московские ведомости*), а также местных (*Оренбургский край*, *Оренбургский листок*, *Уфимские* и *Оренбургские губернские ведомости*) газет показал почти полное отсутствие в них материалов о судьбе, например, упомянутых законов 1874 и 1892 гг.⁴⁴. Известно, что неофициальная Казанская пресса уделяла больше места освещению жизни мусульманского населения⁴⁵. Но она была крайне малочисленной и скорее всего не могла ощутимо влиять на умонастроения читающей русской публики.

И голос упомянутого единственного в 1880—1890-х гг. тюркоязычного *Тард-жимана* не всегда доходил до русского общества. Незнание русского языка, а также отсутствие материальных средств и нужной полиграфической базы не позволяли подавляющему большинству мусульманских интеллектуалов непосредственно обращаться к нему через печатное слово. Это стало практиковаться более или менее широко в начале XX в. Органы земских или городских самоуправлений тогда только-только начинали интересоваться постановкой школьного образования среди мусульманского населения. Поэтому отдельные обращения татаро-башкирских «гласных» (депутатов), как, например, известного башкирского общественного деятеля и просветителя Мухаммад-Салима Уметбаева (1841—1907), с предложением создавать государственные школы для башкир и татар с преподаванием на родном языке⁴⁶ не находили еще живого отклика. Так что в 1870—1890-е гг. в русской публике мусульмане еще не могли найти себе достаточно заинтересованного союзника в ведении диалога с царской администрацией с целью отстаивания своих законных интересов.

VI. Содержание школьных прошений: аргументы и просьбы мусульман

Обычно в литературе башкирские и татарские прошения, в том числе по школьным вопросам, рассматриваются без детального раскрытия их содержательной части как одно из доступных местному населению и действенных средств «пассивного» протеста «народной борьбы» против притеснений со стороны самодержавия⁴⁷. Такая точка зрения имеет, конечно же, основание. Но если заглянуть «во внутрь» письменных обращений «во власть», то можно почерпнуть неизмеримо больше полезной для историка (и не только для историка) информации.

Интересны, прежде всего, аргументы просителей мусульман Волго-Уральского региона. Первые из них

носят «юридический» характер. Почти во всех прошениях в обоснование выданных пожеланий указывается на их «законность». Причем ссылки делаются как на российско-светское («установленная законом веротерпимость») законодательство, так и на *шариат* («по *Алкорану*» или «нашему *шариату*») и на *адат*, то есть на обычное право («как было раньше»).

Со ссылкой на закон о веротерпимости и многовековую местную традицию в ходатайствах настойчиво указывалось, что у российских башкир и татар есть религиозно-культурное «самоуправление». Например, в прошении в числе прочего и об оставлении мечетских школ в «прежнем положении» доверенного крестьян д. Старой Ибрайкиной Чистопольского уезда Казанской губернии Гильмана Абдулгафарова на имя *муфтия*, полученном Духовным собранием 27 ноября 1878 г., утверждается: «... Мы [мусульмане] ... счастливы в самой высшей степени в том, что нам дано равное Автономие (так! — *М.Ф.*) ..., и мы снабжены равноправною защитой о[б] исполнении нами требований своей религии...»⁴⁸. В прошении же упомянутого выше Уфимского *имама* М.-З. Галикеева от 7 января 1893 г. есть такие строки: «...Дело обучения детей прихожан правилами веры в *мектебе* и *медресе* по *шариату* относится к обрядам веры, свободное отправление коих не возбранялось до сего времени в силу Основных законов нашей Империи»⁴⁹.

Во многих ходатайствах об отмене образовательного ценза от 1888 г. в качестве основного аргумента в пользу «законных» требований о невмешательстве в религиозно-школьную сферу мусульман указывалось, что по *Корану* и *шариату* *имамы* «до погроб своей жизни» должны изучать и знать в первую очередь мусульманские науки и право⁵⁰. «...Что же касается до образованности и учености по христианскому языку, то того нет ни пол слова в *Коране...*», — писали, например, в своем приговоре от 1889 г. упомянутые выше башкиры-вотчинники д. Кинзебула-

товой Стерлитамакского уезда Уфимской губернии⁵¹. А *имам* Шестой *мечети* г. Оренбурга Габдул-Галим Давлетшин в своем прошении от 21 декабря 1892 г. на имя Оренбургского духовного собрания указывал: в случае осуществления циркуляр И. Д. Деянова «приведет к тому, что наш мусульманский народ... очутится в полном невежестве... Кроме того мы мусульмане, будучи лишены с сознанием исполнять предписываемый нам *шариатом* обязанностей, престанем пред Всевышнем Аллахом в грехах преступника...»⁵².

Любопытно и то, что в зависимости от ситуации или пожеланий приоритет отдается башкирами и татарами тому или иному праву. Так, когда в 1871 г. *муфтий* Салим-Гарей Тевкелев по предложению Министерства внутренних дел составил «Наставление» о пользе изучения русского языка, мусульманское население не приняло его. Хотя по канонам *шариата* решения *муфтия* являются *фетвой*, то есть обязательными для исполнения. В начале 70-х гг. XIX столетия просители мусульман Волго-Уральского региона обосновывали свой отказ прислушаться к мнению своего духовного главы со ссылкой на российские законы и местные традиции.

Из реакции же властей на письменные обращения (об этом речь пойдет ниже) видно, что и они не могли, а иногда и не желали детально регламентировать все сферы общественной жизни своих мусульманских подданных. Сознательно или интуитивно они не спешили заполнить все социальное поле только светским правом, справедливо опасаясь тем самым нарушить установившийся во многих сферах баланс интересов. Одной из таких сфер являлась именно чрезвычайно политизированная область просвещения башкир и татар, где правительство, идя на создание для них светских русскоязычных казенных училищ, по большому счету терпело и существование развитой сети мечетских школ.

Отмеченная чрезвычайно интересная черта школьных прошений, а так-

же реакция на них со стороны официальных кругов наглядно подтверждают действительное наличие правового плюрализма как в сознании российских мусульман, так и в имперской практике⁵³. Все три указанные правовые системы или части из них в представлении и действиях башкирского и татарского населения органически сосуществовали, неразрывно дополняя друг друга. Детальное исследование прошений в таком ключе может помочь более полному пониманию правовой культуры башкир и татар, соотношения в местной жизни общеимперского права и религиозно-народных традиций.

Вторым общим для всех прошений аргументом было подчеркивание башкирами и татарами своей бесспорной принадлежности к Российской империи, где они пользуются, по их мнению, «автономией». Это утверждение-аргумент находило свое концентрированное отражение в выражении «мы, верноподданные российского монарха»⁵⁴ или «благонадежные граждане отечества»⁵⁵. Для мусульман пореформенного периода «Россия» уже не является «*дар аль-харб*» (= враждебная, чужая страна), а есть их «отечество», которому они верно служат, а также готовы «как привязанные всем сердцем к Обожжаемому монарху» встать в его защиту⁵⁶. В упомянутом выше коллективном прошении казанских мулл [18 подписей, в том числе таких известных духовных лиц, как Шигабутдин Марджани (1818–1889) и Галимджан Баруди (1857–1921)] отмечалось: мусульмане – подданные «могущественной России» «никогда против Российского правительства не были, о чем [и] впредь нельзя думать»⁵⁷. Потому что, уверяли многие просители, башкиры и татары по закону пользуются равными с другими народами правами и могут «по-своему» организовать культурно-религиозную жизнь *махаллы*.

В прошении новые пореформенные школьные законы квалифицировались однозначно как нарушение религиозно-культурной «автономии» мусульман, что, по мнению просителей, самым па-

губным образом отразится на государственно-исламских отношениях. Таким образом, мусульмане ставили под большое сомнение политическую целесообразность и эффективность унификации и централизации Российской империи в ходе ее модернизации в пореформенный период. В учете региональных особенностей и многовековых этнических и религиозных традиций мусульман, как и всех других российских народов, они видели залог процветания и «могущества страны». Словом, башкиры и татары протестовали против отхода от имперских традиций в организации и управлении государством, превращения последнего в мононациональное (русское) образование, которое стремилось «сблизить», а затем и «слить» периферийные народы в первую очередь через подконтрольное школьное образование с «господствующим» русским народом.

Наряду с такими «высокими» материями в прошении довольно много места отводилось и «деловым» аргументам — показу действительного положения дела в сфере традиционного просвещения башкир и татар. При этом просители исходили из факта ужасающей неосведомленности властей всех уровней о культурно-религиозной жизни и чаяниях своих мусульманских подданных. Так, в отмеченном выше прошении Уфимского *имам* М.-З. Галикева есть такие строки: «Нет никакого сомнения, что все эти сведения (об рукописных книгах и некоторых *мударрисах*. — М.Ф.), доставленные в Министерство [народного просвещения] неверны, и как я положительно в том убежден, умышленно придуманы и пущены в ход людьми, преследующими миссионерские цели, ... прибегающими в видах успеха в достижении своих целей к умышленному натравливанию Правительства и администрации на русских мусульман вообще, на их мирные школы, содержимые ими без всякого обременения государственного бюджета и на ни в чем неповинное мусульманское духовное ведомство в особенности»⁵⁸.

Такие сведения просителей содержат много любопытных сведений о внутреннем устройстве *мектебов* и *медресе*, их программе, учебном персонале, применяемых учебниках и т.д. Они однозначно представляют пореформенные *мектебы* и *медресе* как типичные конфессиональные учебные заведения, имеющие целью прежде всего религиозное воспитание населения и подготовку духовных кадров. Поэтому авторы прошений имели все основания утверждать, что мечетские школы никак не соприкасаются с современными, прежде всего политическими, «теориями». Показательно и то, что начавшееся в 1880-х гг. движение за реформу мечетских школ «снизу», по инициативе и силами самих мусульман (*джадидизм*), начало находить отражение в доступных нам прошении лишь в начале XX в.⁵⁹

Требования же, изложенные в прошении, носили вполне определенный характер — в конечном счете отменить и лишь в немногих случаях отсрочить введение в действие новых законов правительства, касающихся *мектебов* и *медресе* и оставить их внутренний строй, учебный персонал и административную подведомственность в «прежнем положении». На первый взгляд кажется, что пожелания-предложения мусульман затрагивали лишь «узкий» вопрос: сферу народного образования. Однако по существу они имели, касаясь в той или иной мере кардинальных вопросов основного вектора политического развития Российской империи в эпоху ее обновления, более широкий характер. Мусульмане хотели не только сохранения, но и расширения своих прав.

Так, «поверенный» деревень Тикерменовой и Иски Текерменовой Мензелинского уезда Уфимской губернии башкир Гизатулла Хайбуллин из Мензелинского уезда в своем прошении от 4 декабря 1878 г. в Оренбургское духовное собрание в связи с появлением слухов о крещении мусульман писал: «Если же мы не предъявим сомнение свое в против, то не найдено ли будет в молчании согласие [наше] на изме-

нение веры?». Он просил *муфтия* довести мнение башкир и татар до царя, «дабы повелено было уничтожить все меры, клонящиеся к уничтожению магометанской веры, с тем, чтобы дать нам новые свободы (подчеркнуто нами. — *М. Ф.*) для устройства *медресе* и *мечетей*, как мы сами хотим»⁶⁰. Видно, что поставленную на повестку дня центром модель построения централизованного мононационального государства мусульманское население края однозначно считало неприемлемой для себя.

Популярным было ходатайство об изъятии мусульманских школ из ведения учебного начальства вообще и передачи их под опеку Оренбургского духовного собрания. Так, в приговоре башкир-вотчинников дд. Кузубаковой, Мурзабаевой и Ик Назировой Бурзян-Кипчакской волости Оренбургского уезда от 15 марта 1893 г. была выражена просьба к Оренбургскому губернатору распорядиться «о недозволении инспекторам и полицейским урядникам вмешиваться в наши духовные дела и о подчинении нас и начальных училищ, на прежнем основании, в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания, чем и успокоить наши сердца»⁶¹. В приговоре башкир восьми деревень Каракипчакской волости Оренбургского уезда от 18 марта того же года добавлялось к этому требованию не допустить никаких изменений в мечетских школах без соглашения *муфтията*⁶².

Настойчиво выдвигалось также требование полного соблюдения принципа веротерпимости и обеспечения культурно-религиозных прав мусульманских подданных. Так, уполномоченные башкир-вотчинников деревень Верхнего и Нижнего Муталовой Таймасовской волости Оренбургского уезда Мухаммад-Садык Юлдашев и Гибадулла Хисматуллин в своем прошении от 17 марта 1894 г. просили Оренбургского губернатора посодействовать, «чтобы мусульман оставить в свободном исповедании», не трогая «ни в каком смысле» их религиозные учреждения:

Духовное собрание, *мечети* и школы при них⁶³. И указанные выше казанские *муллы* просили об оставлении «по-прежнему без стеснения свободу учения веры, религиозные книги и *медрессе*» и чтобы «не было стеснений со стороны учебного начальства, как в отношении самой религии, так и религиозных книг и *медресс*, а они *имамы* не были бы приписаны к лицам, не имеющим прав и подозрительным»⁶⁴.

В целом содержание школьных прошений башкир и татар свидетельствует о бесспорном господстве среди них религиозного мировоззрения, которому, как известно, присущи в числе прочего признание превосходства веры над разумом, обязательное деление всего на «свое» и «чужое», духовный изоляционизм, нетерпимость, резкое отвержение инаковости. Иногда это проявлялось открыто, когда просители, например, отвергали с порога казенные светские школы, обучающих «русской» грамоте и «христианскому» языку и отстаивали мечетские школы, где детям прививается «истинная» религия⁶⁵. Мы против «устройства русских училищ», отмечал, например, в 1878 г. упомянутый «поверенный» башкир Г. Хайбуллин из Мензелинского уезда Уфимской губернии Оренбургскому *муфтию*, «ибо справедливо это уничтожает [мусульманскую] грамотность, стало быть, и веру»⁶⁶.

Все это, несомненно, свидетельствовало и о том, что башкиры и татары в основной своей массе отвергали побуждения «сверху» к европеизации их социально-культурной жизни (необходимой и разумной с точки зрения Российского государства в эпоху индустриализации и острой конкуренции европейских держав). Но российские мусульмане были не против учения вообще: «... Всякому человеку желательно возвышение, власть и знание в науках и совершенство в умственном развитии всякому приятно ...» — читаем мы, например, в упомянутом приговоре жителей д. Тюнтерь от 1873 г.⁶⁷. Пореформенные башкиры и татары не были в целом и против реформ. С конца

1880-х гг. они начали «снизу» коренное преобразование даже своих национальных святынь — *мектебов* и *медресе*.

VII. Реакция властей на школьные прошения, результаты письменных ходатайств

Власти не могли игнорировать массовые «школьные» прошения мусульман. Но официальная первоначальная реакция в начале каждой петиционной кампании была резко негативной. При этом администрация неизменно проявляла свою поразительную некомпетентность о положении дел в мусульманском обществе, в том числе сфере образования, а также желание избежать гласности о своих намерениях, неизменно маркируя свою корреспонденцию приписками «секретно» или «конфиденциально»⁶⁸. Полный информационный вакуум порождал у башкир и татар навязчивые слухи об «уничтожении мусульманской религии» и насильственном крещении⁶⁹. А в провинциальном русском обществе навязчиво циркулировали самые нелепые толки о подготовке мусульман к «вооруженному восстанию» (так! — *М.Ф.*)⁷⁰ под руководством турецких эмиссаров⁷¹ и т.д.

Многие чиновники воспринимали ходатайства башкир и татар как «совершенно необосновательные»⁷², «агитация» против законов, беспочвенные «домогательства» или «явное ослушание»⁷³, проверка власти на прочность⁷⁴ и были не прочь найти и строго наказать «зачинщиков» выступлений против «законных требований начальства»⁷⁵. Тем не менее затем государственные органы начинали вникать в суть пожеланий башкир и татар. Но это обычно происходило после долгих споров и обмена «мнениями» между различными «экспертами» и заинтересованными ведомствами⁷⁶. В целом же можно с уверенностью сказать, аргументы мусульманских просителей открыли правительству глаза на многое⁷⁷. В результате официальная школьная политика в отношении мусульман претерпевала

постоянные и весьма существенные корректировки⁷⁸.

В конце концов, из упомянутых выше пяти законоположений только одно (введение для *мулл* образовательного ценза) вступило в силу в указанный срок и то с существенными коррективами. Еще одно — циркуляр министра просвещения об изъятии из обращения в мечетских школах рукописных и заграничного издания книг — было через два года фактически полностью отменено. Законы об обязательном учреждении за счет средств местного населения «русских классов» в мечетских школах и запрещении впредь открывать новые, если в них не будет преподавания русского языка, а также подчинении *мектебов* и *медресе* Министерству просвещения практически остались на бумаге. Ограниченную реализацию получили лишь предусмотренные «Правилами» 1870 г. планы по созданию русско-башкирских и русско-татарских школ. Притом они появились в более или менее массовом порядке в 1890-е гг. в Уфимско-Оренбургском крае⁷⁹, в то время как в Поволжье их было крайне немного⁸⁰.

Такие результаты подачи прошений свидетельствуют о достаточной ответственности и эффективности коммуникации «низов» с «верхами». Они также показывают, что имперские власти были готовы и способны в какой-то мере слышать «глас народа» и что российский самодержец был далеко не «самодержавным» правителем. Башкиры и татары, как и все другие народы страны, имели видимые возможности «торговаться с властями» (В. Шперлинг⁸¹) для ограничения или корректировки практических действий правительства, если оно пыталось установить тотальный контроль над мусульманским обществом и подмять под себя все его социально-культурные институты. Мусульманское население, идя на диалог с администрацией, необратимо втягивалось в общественную и политическую жизнь страны⁸², что, безусловно, расширяло его мировоззренческие горизонты.

VIII. Выводы

Итак, в 1870–1890-е гг. мусульмане Волго-Уральского региона выступили единым фронтом против новых школьных реформ, направленных на установление всеобъемлющего правительственного контроля над *мектебами* и *медресе*, внедрение в них преподавания русского языка, открытие особых русскоязычных «инородческих» школ. Чтобы защитить свои интересы, они установили посредством прошений довольно интенсивную связь с властями, поставив их в известность о своих пожеланиях. В этом письменном диалоге участвовали, с одной стороны, в качестве «привилегированных актеров» различные, имеющие зачастую совершенно иные позиции государственные структуры, а с другой — практически все слои башкирского и татарского населения, которые «за столом переговоров» с администрацией имели несравненно худшие карты.

Тем не менее для имперского правительства большие или малые петиционные кампании послужили своеобразным барометром верности взятому политическому курсу, социально-политическим настроениям своих мусульманских подданных. А для башкир и татар же практика письменного общения с правительственными органами явилась важным каналом опосредованного, правда, очень ограниченного, в пределах лишь местного уровня, участия в «управлении» государством и тем самым повышения своей политической культуры.

Школьные прошения мусульман пореформенного волго-уральского населения отчетливо показывают, что они были отнюдь не абсолютно пассивным элементом в социальной структуре Российского государства. С другой стороны, массовые письма «во власть» и реакция на них со стороны правительства свидетельствуют, что имперские органы сознательно оставляли открытыми некоторые, довольно эффективные каналы политической коммуникации и политического участия башкир и татар, как и других народов страны, в общественно-

политической жизни страны. «Верхи» были жизненно заинтересованы в «диалоге» с мусульманскими подданными, хотя с углублением системного кризиса самодержавия они все меньше и меньше проявляли способность вести его в конструктивном русле.

По большому счету школьные «дебаты» мусульманского населения пореформенного Волго-Уральского региона с властями закончились компромиссом. Башкиры и татары отстаивали свои традиционные *мектебы* и *медресе*, правительство же создало для них более или менее густую сеть русскоязычных русско-башкирских или русско-татарских школ. Обе модели народного образования существовали параллельно, но остро конкурируя между собой. В процессе же состязания каждая из них медленно, но видоизменялась. В мечетских школах начался ожесточенный борьба с *кадимистами* (= мусульманские староверы) поворот к светским дисциплинам и европейским принципам организации учебного процесса. А в казенных училищах постепенно, при остром противодействии многих «твердолобых» представителей Министерства народного просвещения расширился национальный компонент: преподавание родного языка и мусульманского вероучения. В обоих случаях получился своеобразный и сравнительно жизнеспособный симбиоз *мектеба* и школы.

В этом долгосрочном, но в целом позитивном процессе немалую роль сыграли и прошения местного мусульманского населения, которые способствовали обмену мнениями, взглядами и административно-педагогическим опытом между заинтересованными сторонами. Тем самым письма башкир и татар «во власть» помогали не только выработать компромиссные пути в развитии народного образования, но и в известной мере препятствовали радикализации социально-политической ситуации на окраинах и вносили положительную лепту в стабилизацию многонационального пореформенного российского общества в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Малиновский Н. П.* Законодательство об инородческой школе // *Инородческая школа: Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы.* Пг., 1916. С. 119–157; *Kreindler I. T.* Educational policies toward the eastern nationalities in tsarist Russia: a study of Ilminski's system. Ph.D. Dis. **Columbia University, 1969**; *Фархиаатов М. Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. М., 1994. С. 36–53.

² По данным переписи 1897 г., в этих 13 губерниях проживало 3, 3 млн. башкир и татар, то есть примерно четверть (точнее: 23, 7 %) всех мусульманских подданных Российской империи (См.: *Исхаков Д. М.* Историческая демография татарского народа. Казань, 1993; *Bauer H., Kappeler A., Roth B.* (Hrsg.) Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1997. 2 Bde. Stuttgart, 1991. Bd. 2. S. 317–320; *Noack Ch.* Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich. Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861–1917. Stuttgart, 2000. С. 42–44, 562). По удельному весу мусульманского населения лидировали Уфимская (50,3%), Казанская (29,2%) и Оренбургская (21,1%) губернии. За ними со значительным отставанием шли Самарская (10,0%), Симбирская (8,8%), Пермская и Астраханская (по 5,3%), Вятская (4,4%), Пензенская и Саратовская (по 4,0%), Нижегородская [Gouvernement Nizhnij Nowgorod] (2,6%), Тамбовская (0,6%) и Рязанская (0,3%) губернии.

³ См., например: *Воробьева Е. Н.* Мусульманский вопрос в имперской политике самодержавия (Вторая половина XIX в.—1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999; *Noack Ch.* Muslimischer Nationalismus...

⁴ См., например: *Смыков Ю. И., Гончаренко Л. Н.* Национальный состав кадров административного аппарата самодержавия в Казанской губернии в конце XIX века // Развитие культуры Татарстана в дооктябрьский период. Казань, 1988. С. 73–83; *Салихов Р. Р.* Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX–XX вв. // *Панорама-Форум.* 1996. № 2. С. 41–54; *Кантимирова Р. И.* Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX–начале XX вв. Уфа; Стерлитамак, 2000; *Häfner L.* Gesellschaft und lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914). Köln u. a., 2004. S. 91, 279, 286, 333–336.

⁵ См.: *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999.

⁶ См.: *Kemper M.* Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998 (Пер. на рус. яз.: *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством / Пер. с нем. И. Гилязова. Казань, 2008; *Фархиаатов М. Н.* Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1. С. 286–292.

⁷ Из множества литературы укажем лишь на: *Lazzerini E. J.* **Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia, 1878–1914. Ph.D. Dis. Seattle University of Washington, 1973**; *Ганкевич В. Ю.* На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь, 2000.

⁸ См.: *Каримуллин А. Г.* У истоков татарской книги (От начала возникновения до 60-х годов XIX века): Казань, 1971; *Он же.* Татарская книга пореформенной России. Казань, 1983.

⁹ *Загидуллин И. К.* К вопросу отпадения крещеных татар Казанской губернии в мусульманство 1866 года // *Национальный вопрос в Татари дооктябрьского периода* Сб. статей / Под ред. С. Х. Алишева. Казань, 1990. С. 66–78.

¹⁰ *Чернышев Е. И.* Волнения казанских татар в 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. 1927. № 7. С. 175–202; *Рахим А.* К вопросу о татарском крестьянском движении 1878 года // *Там же.* 1928. № 8. С. 143–152.

¹¹ *Загидуллин И. К.* Перепись 1897 г. и причины выступления против нее татарских крестьян Казанской губернии // Ученые записки / Татарский государственный гуманитарный институт. Казань, 1997. № 2. С. 52–96; *Он же.* Прошения татарских крестьян Казанской губернии в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // *Там же.* С. 219–245; *Он же.* Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань, 2000. С. 184–185.

¹² *Ардашев И.* Отступническое движение в Уфимском крае после указа 1905 года // Миссионерское обозрение. 1909. № 8. С. 1126–1141; *Ганелин Р. Ш.* Указ 18 февраля 1905 г. о петициях и правительственная политика // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т. 15; *Он же.* Петиции по указу 18 февраля 1905 г. // Там же. Л., 1989. Т. 20. С. 150–163; 1990. Т. 21. С. 119–136.

¹³ См., например: *Письмо* Батырши императрице Елизавете Петровне. Текст. Транскрипция. Перевод на рус. яз. [Н. К. Дмитриева] Факсимиле / Сост., автор введения, комм. и глоссария Г. Б. Хусаинов. Уфа, 1993.

¹⁴ См., например: *Васильев И. М.* Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. В 2 ч. Уфа, 2000.

¹⁵ *Постановление* Совета министра народного просвещения. Заседание 2 февраля 1872 г. Журнал № 42 // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 3. С. 47–63; *Высочайше* утвержденный 20 марта 1870 г. Журнал Совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г. // *Сборник* распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1874. Т. 4: 1865–1870 гг. С. 835.

¹⁶ *Высочайше* утвержденное мнение Государственного совета от 26 ноября 1874 г. // Российский государственный исторический архив (Далее: РГИА). Ф. 1149. Оп. 8, 1874 г. Д. 59. Л. 41 (То же в: Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1874. № 12. С. 550–551).

¹⁷ *Высочайше* утвержденное 5 февраля 1882 г. положение Комитета Министров // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 809. Л. 79 об.; Оп. 133. Д. 466. Л. 323 (То же в: *Сборник* законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и магометанских учебных заведениях. Казань, 1899. С. 49–50).

¹⁸ *Высочайше* утвержденное 16 июля 1888 г. мнение Государственного совета об установлении образовательного ценза для духовных лиц по округу Оренбургского магометанского духовного собрания // *ПСЗ* III. Т. 8. № 5419 (То же в: Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1889. № 1. С. 3–4); *Высочайше* утвержденные 11 октября 1890 г. «Правила об установлении образовательного ценза для духовных лиц по округу Оренбургского магометанского духовного собрания» // *ПСЗ* III. Т. 10. Отд. 1. № 7120); *Koch H.* Die Russische Gesetzgebung über den Islam bis zum Ausbruch des Weltkrieges. Berlin, 1918. S. 51–52.

¹⁹ См.: *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1898. С. 67; *Загидуллин И. К.* Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. // *Народное* просвещение у татар в дооктябрьский период. Сб. статей / Под ред. Р. У. Амирханова. Казань, 1992. С. 76.

²⁰ *Сборник* законов о российском мусульманстве... С. 57; РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 2271. Л. 90.

²¹ См. подробнее: *Правила* о порядке принятия и направления прошений, жалоб, на высочайшее имя приносимых (Свод законов. Т. 1. Ч. 2. Изд. 1892 г.), с изменениями на основании законов 26 февраля и 20 марта 1895 г. и с приложением дополнительных узаконений. Сост. Н. И. Ареф. СПб., 1895; *Sperling W.* Bittschriften als Form und Medium der politischen Partizipation im ausgehenden Zarenreich. Unpublizierte Magisterarbeit. Universität Bielefeld, Fakultät für Geschichtswissenschaft und Philosophie, Abteilung Geschichte. Bielefeld. 2002. S. 30–33.

²² См.: *Sperling W.* Bittschriften... S. 28.

²³ См.: Там же. Заметим, что иногда приговоры сельских обществ куда более содержательны, чем прошения их уполномоченных, поэтому они обязательно должны учитываться при рассмотрении последних.

²⁴ *Материалы* по истории Татарии второй половины XIX века. М.–Л., 1936. Ч. 1: Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. (в дальнейшем: *Материалы* по истории Татарии). С. 421.

²⁵ В Государственном архиве Оренбургской губернии (в дальнейшем: ГАОО) сохранилось, например, прошение потомственного почетного гражданина Ганиахмета Китикова – поверенного от жителей деревень Джитибулаковой, Давлеткуловой, Максютовой, Ижзаевой, Саз Белекей, Абызовой, Белекей Абызовой и Зирикли Каракипчакской волости Оренбургского уезда, поданное им 28 марта 1893 г. на имя Оренбургского губернатора (см.: *ГАОО*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 34).

²⁶ Так, известно, что в 1893 г. доверенным башкир д. Таймасовой одноименной волости Оренбургского уезда, ходатайствующих об оставлении в мусульманских школах рукопис-

ных книг, был урядник Суфийан Максютлов (см.: Там же. Л. 19). А в 1888 г. в Казани образцовую форму прошения в связи с введением образовательного ценза для *мулл* составил отставной коллежский регистр Ахметзян Кульмаметов (*Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60–90-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992. С. 165).

²⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 80.

²⁸ Там же. Л. 80–81.

²⁹ И. К. Загидуллин в своей солидной кандидатской диссертации описывает интенсивную деятельность в начале 1890-х годов других «народных адвокатов»: жителя Казани А. Кульмухаметова и крестьянина одной из близлежащих деревень А. Кирсанова. Первый из них за свои «труды» по составлению прошений в связи с введением образовательного ценза для *мулл* был подвергнут административной высылке на три года, а второй предупрежден (*Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 165–168).

³⁰ В работе И. К. Загидуллина упомянут, например, некий Студенецкий, которого нанял указанный А. Кульмухаметов (*Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 167).

³¹ См., например: ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 119–120, 121.

³² См.: Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее: ЦГИА РБ). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1076. Л. 25–26; ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 36, 95 об.

³³ См.: *Загидуллин И. К.* К вопросу отпадения крещеных татар...

³⁴ Но судя по сохранившимся в местных архивах многим прошениям, которым не было дано хода из-за отсутствия на листах прошений гербовых марок (см., например: ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334), можно полагать, что вопрос о «финансовом обеспечении» петиционных кампаний по школьным вопросам среди башкир и татар остался, особенно в сельской местности, не совсем решенным.

³⁵ См.: ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 80–81; *Sperling W.* Bittschriften... S. 29–30; *Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 167.

³⁶ *Загидуллин И. К.* Татарская школа...; *Он же.* Татарские крестьяне... С. 163, 165–168, 170; *Он же.* Прошения... С. 226.

³⁷ Так, по некоторым сведениям, только в 1888 г. в Министерство внутренних дел, канцелярии Казанского губернатора и Оренбургское магометанское духовное собрание поступило около 1500 прошений об отмене образовательного ценза для *мулл* (см.: ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 66. Л. 1; ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 533. Б. п.; Д. 535. Л. 1, 4, 19; РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 2271. Л. 166–171; *Риззэтдин бин Фэхретдин.* Исламлар хақында хөкүмәт тәдбирләре. 2 жилдтә (Мероприятия [царского] правительства по отношению мусульман. В 2 т.). Оренбург, 1907. Ж. 1. Б. 33; *Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 165–168). Не меньше, если не больше прошений последовало и в связи с циркуляром министра просвещения И. Д. Делянова об изъятии из *мечетей* рукописных и заграничного издания книг, а также отстранении *мударрисов* с заграничным образованием или иностранным паспортом. Они отложились целыми томами как в фондах Департамента духовных дел МВД (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 818. 274 л.), Оренбургского губернского правления (ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 344. 128 л.), Оренбургского духовного собрания (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 3359. Б. п.; Оп. 11. Д. 611. Б. п.; Д. 622. Б. п.; Д. 659. Б. п.), канцелярии Казанского губернатора (*Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 170). Значительное количество «деляновских» прошений имеется и в фонде Департамента народного просвещения (см., например: РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 2271. Л. 166, 168, 169–171; Д. 2272. Л. 52–62, 185). Некоторые прошения сохранились в отдельных делах Оренбургского духовного собрания (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 13359. Б. п.; Оп. 11. Д. 348. Б. п.), Уфимской губернской дирекции народных училищ (Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 469. Л. 145).

³⁸ Верность России, на которую столь часто указывалось в прошениях, конечно же, не была чистым вымыслом, как и заслуги мусульман перед Российским правительством. Но просители их сознательно инструментализировали, чтобы оказать желаемое воздействие на получателей их прошений.

³⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 523. Л. 6 об.–7. См. также: Там же. Д. 524. Л. 104–104 об., Л. 108, 110.

⁴⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 21.

⁴¹ *Материалы* по истории Татарии. С. 309.

⁴² См., например: *Bräuer von H.* Persönliche Bittschriften als sozial- und mentalitätsgeschichtliche Quellen: Beobachtungen aus frühneuzeitlichen Städten Obersachsens. In: *Ammerer G., Rohr Ch., Weiß A. S.* (Hrsg.) Tradition und Wandel: Beiträge zur Kirchen-, Gesellschafts- und Kulturgeschichte. Festschrift für Heinz Dopsch. Wien, München, 2001. S. S. 300–304.

⁴³ Таковы, например, «рапорты»-прошения *имам* Второй мечети г. Уфы Мухаммад-Зарифа Галикеева (7 января 1893 г.) и *ахуна* Сеитовского посада Оренбургского уезда и губернии Исхака Исмаилова (1 февраля 1893 г.), поданные ими на имя Оренбургского духовного собрания (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 348. Л. 68–71 об.; Д. 523. Л. 36–42 об.).

⁴⁴ Можно указать лишь на следующие два интересные сообщения: *Нигматуллин*. Мухамеданская заметка. Оренбург, 26 октября // Оренбургский листок. 1892. 8 ноября. С. 3; *Жакмон А.* Оренбург. По поводу печатных инсинуаций по адресу оренбургских мусульман [В связи с заметкой Нигматуллина в «Оренбургском листе»] // Московские ведомости. 1892. 24 ноября. № 326. Внутренние известия. С. 4. В целом же пореформенная русская печать больше писала о «неспокойных» мусульманских регионах, как Туркестан и Крым, чем о проблемах давно «усмирённых» башкир и татар.

⁴⁵ См., например: *Хамитбаева Н. С.* Национальный вопрос в освещении Казанской русской периодической печати в конце XIX века (На материалах «Волжского вестника») // *Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода*. С. 79–97.

⁴⁶ См.: *Заявление* гласного Мухаметсалима Уметбаева в Уфимское VII очередное уездное земское собрание // *Вестник Уфимского земства*. Уфа, 1882. Вып. 4. С. 226–228.

⁴⁷ См., например: *Риззэтдин бин Фәхретдин*. Исламлар хакинды... Ж. 1–2. Оренбург, 1907–1908; *Горохов В. М.* Реакционная школьная политика царизма по отношению татар. Казань, 1941. С. 180, 223, 225, 238; *Загидуллин И. К.* Татарская школа...; *Он же*. Татарские крестьяне... С. 163, 165–169, 176–177; *Он же*. Прошения татарских крестьян...; *Он же*. Перепись 1897 года... С. 184.

⁴⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 524. Л. 104–104 об. См. также: Там же. Л. 108, 110.

⁴⁹ Там же. Д. 348. Л. 69–69 об.

⁵⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 101. Л. 24–25, 40–42, 45–47; ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 523. Л. 6–8; Д. 535. Л. 1, 19 об.

⁵¹ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 523. Л. 6 об.

⁵² Там же. Д. 348. Л. 66–67 об.

⁵³ Некоторые исследователи уже обратили на это внимание на основе другого фактического материала. См., например: *Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие. М., 2002. С. 98–103; *Kemper M.* Herrschaft, Recht und Islam in Dagestan. Von den Khanaten und Gemeinschaften zum gihad-Staat. Wiesbaden, 2005. **Kapitel 6**; *Усманова Д. М.* Мусульманские представители в Российском парламенте: 1906–1917 гг. Казань, 2005. С. 11–12; и др.

⁵⁴ Подчеркивая «верноподданство» башкир и татар, просители, конечно же, учитывали и определенные ожидания своих адресатов. Поэтому так часто встречающиеся в прошениях пассажи типа «глубоко чтим мы своего Государя» не всегда следует принимать за чистую монету.

⁵⁵ См.: *Приговор* сельского общества жителей деревень Джитибулаковой, Давлеткуловой, Максютовой, Ижзаевой, Саз Белекей, Абызовой, Белекей Абызывой и Зирикли Каракипчакской волости Оренбургского уезда от 18 марта 1893 г. // ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 36.

⁵⁶ См., например: *Прошение* поверенного от общества д. Четырех Дворов Муслимкинкой волости Чистопольского уезда Казанской губернии Замалетдина Мухаметзянова от 21 ноября 1878 г. в Оренбургское духовное собрание // ЦГИА РБ. Ф. И-195. Оп. 11. Д. 524. Л. 114.

⁵⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-195. Оп. 11. Д. 348. Л. 72–74.

⁵⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 348. Л. 69–69 об.

⁵⁹ См., например: *Фархиятов М. Н.* Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX в. (1900–1917 гг.). Уфа, 2000. С. 31–32.

⁶⁰ Цит. по: *Журнал* заседания присутствия Оренбургского духовного собрания от 15 января 1879 г. // ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 400. Б. п.

⁶¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 21. См. также, например: Прошения доверенных башкир д. Мустафино Рождественской волости Габдрахмана Забирова и Самигуллы Файрушина от 8 марта, а также Бурангуловского сельского общества 2-й Усергановской волости Орского уезда Саитгалия Булгаирова от 28 марта 1893 г. (Там же. Л. 17, 92).

⁶² Там же. Л. 36.

⁶³ Там же. 100 об.

⁶⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 348. Л. 72 об.

⁶⁵ Например, указанные уполномоченные башкир-вотчинников деревень Верхнего и Нижнего Муталовой М.-С. Юлдашев и Г. Хисматуллин без обиняков писали 17 марта 1894 г. в Оренбургское духовное собрание: суть мероприятий правительства убеждает их, что «мусульманская вера в конце концов придет в упадок, татарская грамотность исчезнет и явится одно обрусение» (ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 20).

⁶⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 400. Б. п. См. также приговоры башкир-вотчинников д. Кинзебулатовой Стерлитамакского уезда Уфимской губернии от 25 февраля 1889 г. (Там же. Д. 523. Л. 6 об.) и жителей д. Тюнтерь Малмыжского уезда Вятской губернии — одного из центров традиционной мусульманской образованности в регионе, от 21 мая 1873 г. (*Материалы по истории Татарии*. С. 308).

⁶⁷ Цит. по: *Материалы по истории Татарии*. С. 309.

⁶⁸ См., например, «секретное распоряжение» Уфимского губернатора от 29 сентября 1870 г. уездным исправникам о выполнении циркуляра попечителя Казанского округа от 15 июля того же года о принятии необходимых мер по претворению в жизнь «Правил об образовании инородцев» 1870 г. (ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 959. Л. 54–55).

⁶⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 400: Журналы заседаний присутствия Оренбургского духовного собрания за 1879 г. Т. 2. Б. п. Журнал заседания от 15 января 1879 г.

⁷⁰ См., например, письмо Оренбургского муфтия С.-Г. Тевкелева от 8 ноября 1876 г. на имя Оренбургского губернатора «о нелепых толках, распространившихся в Уфе, о будто бы враждебных настроениях и помыслах российских мусульман против русских» (ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1076. Л. 25–26).

⁷¹ ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1076: Переписка о появлении турецких эмиссаров среди мусульманского населения. 1876 г. 82 л.; ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 33: О мерах по задержанию турецких подданных-агитаторов, 1876–1889 гг. 48 л.

⁷² См., например, отношение товарища министра внутренних дел И. Н. Дурново от 21 августа 1883 г. на имя Оренбургского муфтия С.-Г. Тевкелева по поводу поданных Казанскими татарами 26 всеподданнейших прошений, в котором опровергал «опасения» просителей, что закон 5 февраля 1882 г. о надзоре за *мектебами* и *медресе* «стесняет религиозную свободу». Завершалось письмо просьбой к муфтию «разъяснить муллам Казанской губернии неосновательность вышеприведенных опасений татарского населения, а также необходимость подчиняться «законным требованиям начальства» (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 10381. Л. 14 об.).

⁷³ ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–1 об.; Ф. 11. Оп. 2. Д. 3366. Л. 113, 148.

⁷⁴ Так, Казанский губернатор Н. Я. Скарятин в связи с намерением некоторых Казанских купцов передать лично в составе «депутации» министру внутренних дел Л. С. Макарову ходатайства по религиозно-учебным делам мусульман предлагал своему начальнику отвергнуть их. Он писал: эти «домогательства татар есть не что иное, как проба — какой взгляд высшего правительства на магометанское население и имеет ли оно надобность оказывать этому населению снисходительность» (Цит. по: *Материалы по истории Татарии* [wie Anm. 24]. С. 422).

⁷⁵ Так, предполагаемый «зачинщик» приговора-ходатайства жителей д. Тюнтерь от 1873 г. *имам* Шамсутдин Рахматуллин подвергся «увещеваниям» Оренбургского муфтия (см.: ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 131. Л. 140–141; Оп. 11. Д. 80. Л. 142, 186). В начале 1873 г. по рапорту Мензелинского уездного исправника Уфимский губернатор распорядился закрыть *мектеб*, открытый в д. Нуркеевой без разрешения учебного начальства и без русского класса, а местного *муллу* — подвергнуть «ответственности» (см.: ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 959. Л. 70–71 об.). 28 февраля 1889 г. министр внутренних дел предписал начальникам губерний Внутренней России с мусульманским населением о сборе сведений об авторах прошений об отмене образовательного ценза для *мулл* и обстоятельствах их составления (См.: ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 66. Л. 1; Ф. 10. Оп. 3. Д. 191. Л. 63). Видимо, таких примеров было немало (см., например: *Загидуллин И. К. Татарские крестьяне...* С. 166–167).

⁷⁶ В том числе путем созыва Особых межведомственных совещаний. Например, в мае 1894 г. при Министерстве внутренних дел происходило Особое совещание с участием представителей Министерства народного просвещения и ученых-востоковедов для обсуждения

вопроса о мусульманских рукописных книгах, которое высказалось за их хождение в примечетских школах (см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 2272. Л. 101).

⁷⁷ 21 июля 1894 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново уведомил начальников губерний, населенных мусульманами, о фактической отмене многократно упомянутого циркуляра И. Д. Делянова от 10 июля 1892 г. В своем предписании министр открыто признавался, что пересмотреть позицию правительства в вопросе о мусульманских учебных книгах заставило «большое количество» прошений, поступившее от мусульман в его ведомство против изъятия рукописных и заграничного издания книг (см.: ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 116).

⁷⁸ Естественно, прошения башкир и татар не были единственной причиной ослабления натиска на *мектебы* и *медресе*. В некотором изменении правительственной политики по отношению к ним сыграла свою роль и постепенно утвердившаяся среди имперских чиновников мысль, что мечетские школы имеют чисто религиозный характер, а потому далеки от «политики» (см., например: РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 656. Л. 82, 115 об.).

⁷⁹ См., например: *Фархитов М. Н.* Народное образование... С. 110–111).

⁸⁰ См., например: *Махмутова А. Х.* Становление светского образования у татар (Борьба вокруг школьного вопроса, 1861–1917). Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 29–30). Вообще, надо отметить, Казанские татары в школьных вопросах шли менее охотно на всякие компромиссы с царской администрацией.

⁸¹ *Шперлинг В.* Торговаться с властью. Прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России // Новая политическая история. Сб. науч. тр. / Под ред. М. М. Крома. СПб., 2004. С. 152–168.

⁸² Интересно отметить, что мусульмане и сами прекрасно понимали, что своими прошениями они действительно неумолимо вовлекаются в политику. Поэтому старательно убеждали своих адресатов в обратном. Для примера приведем характерную цитату из прошения упомянутого доверенного Г. Абдулгафарова из Чистопольского уезда Казанской губернии от 1878 г.: «... Мы мусульмане считаем долгом своим объяснить, прежде всего, (что) цель настоящего прошения не есть по делам политических или даже, например, хоть по делам касающихся до политики, напротив мы не думаем и не хотим даже думать о политике, не только за страх, но [и] за совесть, так как мы и предки наши назад тому несколько сот лет живем в подданстве нашего Российского императора, и мы снабжены равноправною защитой о исполнении нами требований своей религии ...» (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 524. Л. 104–104 об.). Примечательно, что текст Г. Абдулгафарова был, так сказать, типовым. Он слово в слово повторялся и в некоторых других прошениях (см.: *Там же*. Л. 108, 110).

Аннотация

В статье рассматриваются петиционные кампании татар и башкир как реакция на действия власти по реализации новой школьной политики самодержавия в отношении мусульман Поволжья и Приуралья в пореформенный период, направленной на их интеграцию в состав Российской империи. Освещаются ключевые сюжеты петиционных кампаний: авторы, организаторы, переводчики и составители ходатайств; адресаты и содержание прошений; стратегия и тактика их подачи; реакция властей на школьные прошения; результаты письменных ходатайств.

Ключевые слова: школьная политика царизма в отношении мусульман Поволжья и Приуралья, петиционная кампания татар и башкир, Оренбургское магометанское духовное собрание, мектебе и медресе, требования мусульман в школьной сфере.

Summary

The article considers petition campaigns of the Tatars and Bashkirs as reaction to the Government's actions on the realization of the new school politics of autocracy regarding the Moslems of the Volga and Urals region in the period of reforms aimed at their integration into the Russian Empire. The key topics of the petition campaigns are shown: the authors, the organizers, translators and compilers of applications; addressees and the contents of applications; the strategics and tactics of their presentation; the reaction of the Government on school applications; the results of written applications.